

Е. А. Касатых
*Шуйский государственный
педагогический университет*

БЫТОВОЕ И БЫТИЙНОЕ В ПОВЕСТИ А. И. ЦВЕТАЕВОЙ «МОЯ СИБИРЬ»

В мемуарной повести А. И. Цветаевой «Моя Сибирь» рассказывается о жизни писательницы в ссылке, в посёлке Пихтовка Новосибирской области, с 1949 по 1954-й год. Тогда же началась и работа над повестью, о чём свидетельствует рукопись «Воспоминания о Сибири и ДВК», содержащая ключевые фрагменты произведения и датированная автором 1949–1958 гг. (1). Однако первая публикация состоялась лишь в 1986 году в журнале «Юность», а в 1989-м повесть была издана в составе одноимённой книги. Столь длительный временной интервал между написанием первых страниц и появлением в печати объясняется, по-видимому, сменой творческих приоритетов автора: в конце 50-х – начале 60-х годов Цветаева пишет «Воспоминания», ставшие вершиной её творчества; в 70-е годы она продолжает работу над этой книгой и, кроме того, восстанавливает и редактирует роман «Атог», писать который начала ещё в лагере, в 1939-м году. Однако в 1975-м в письме к В. Ионасу она сообщает: «Неплохо пишется, когда от быта, дрызг урываю часок-другой: о моей эвакуационной Сибири. Т. к. беззлбно, м. б., и в журнал пойдёт?» (6 : 138)

В повести «Моя Сибирь» в фокусе внимания автора находится налаживание быта в условиях северного посёлка – это и строительство дома, и ведение хозяйства, и работа на огороде, и установка скворечника, и каждодневные заботы, и редкие праздники. Бытовая среда представлена плотно, осязаемо. Текст насыщен фактическими деталями. Цветаева пишет о стоимости вещей и услуг, называет употребляемые в пищу продукты, состав получаемых посылок, овощи, посаженные на огороде. Она указывает точное количество брёвен, необходимых для строительства дома, площадь, которого «три на три» (8 : 97), отмечает своеобразие постройки фундамента: «Вымеряв верёвкой линию фасада по прямой от соседних – далеко друг от друга – домов, поставили 4 лёжки (короткие чурки) и на них (вот и весь сибирский фундамент) кладут ряды брёвен» (8 : 104). В текст вводится специфическая строительная лексика («стропила», «конопаченье», «венцы», «горбыль») и лексика, описывающая реалии сибирского быта: по дороге в лес рассказчица встречает «“шишкующих”, самодельными щётками обирающих из кедровых шишек орехи на месте, чтоб шишки тут бросить, увозить-уносить лишь орехи» (8 : 105).

В доверительной манере автор пишет о бытовых неприятностях, не сопровождая их, однако, негативными оценками: «Когда настала зима, то в мороз на мешке сена, лежавшем на полу между нашими топчанами, было до 5° мороза, а под потолком у печной трубы 25 и больше – тепла, даже до 30. Живём в валенках. Дверь в ответ на вечерний стук Тонин я отбиваю, как молотком, поленом. В другие вечера, сырые, дверь разбухает – прикручиваю её с трудом верёвкой к крюку, а широкую щель, оставшуюся, напихиваю половыми тряпками, сеном» (8 : 80).

О том, как тяжела была жизнь в ссылке для Цветаевой, сохранились эпистолярные свидетельства. В частности, в послании от 17 декабря 1951 года В. И. Цветаева пишет сестре Анастасии: «Как хочется для тебя сколько-нибудь упорядоченности, посильности быта; без <неразб> срывов здоровья, непосильных затей, действующих как кровопускание ...» (2 : 15). В другом письме: «Милая Ася, не пиши ты такие вещи, как “подавляю вой”, “реву белугой”, ... и слово “дикий” как прилагательное зачастую в разных случаях: “дикий холод”, “дико устал” и т. п.» (2 : 72).

Не случайно в мемуарной повести А. И. Цветаева обращается к проблеме противостояния человеческого духа и вещно-обыденной действительности. В «Моей Сибири» утверждается мысль о том, как важно даже в самых тяжёлых жизненных обстоятельствах сохранить в себе мыслящего и чувствующего Человека.

Жизнь в нелёгких бытовых условиях оказывается серьёзным испытанием для персонажей, максимально приближенных к реальным прототипам. Его не выдерживает дама, которая, по собственному выражению, страдала оттого, что у людей, её окружающих, недостаёт «Feintühlung (тонкости чувств)» (8 : 77), а впоследствии она же тиранила Якова Ивановича, «притесняла его и материально», и «повышала на него голос – чего он никогда в жизни не испытывал» (8 : 136). Несмотря на крепкую дружбу, Антонине и рассказчице трудно жить вместе. Антонина, «придя с работы, усталая, поев, ложилась и брала книгу» (8 : 80), после чего быстро засыпала, не погасив лампу, так что однажды только случайность уберегла дом от пожара. Чтобы избежать несчастья, возможного из-за усталости Тони, рассказчица «выдумала себе ... дело» – «не давала себе заснуть, устно переводя на русский и заучивая свою поэму, английскую, написанную двенадцать лет до этого, написанную на Дальнем Востоке («Близнецы» – о Джозефе Конраде и Александре Грине)» (8 : 81). Человек, пребывая в ссылке, волен проявлять себя в окружающем мире в соответствии со своими интересами и потребностями. А человек, наделённый талантом, способен создать надбытовое информационное пространство, обращённое от сиюминутного к вечному.

Рассказчица, в немолодом уже возрасте, строит дом – «избушку», отказывая себе в самых необходимых продуктах, учится работать в огороде. Ведение хозяйства в условиях северного посёлка оказывается непростым делом. Хозяин дома, зная о неопытности ссыльных квартиранток, за небольшую плату сложил им печь «без поворотов», так что «тепло выдувало первым порывом ветра» (8 : 77). Зимой женщины, «не зная ничего о завалинках», спустили картошку в подполье, так что «с первыми морозами застучали картошки... – как камешки» (8 : 77). Однако автор-повествователь и в таких условиях испытывает ощущение полноты жизни, счастья, которое давало «общение с людьми, неожиданные знакомства, от которых – взаимным сочувствием согревалась душа» (8 : 82). В критическом отзыве А. Кролли справедливо отмечает, что в «Моей Сибири» Цветаева «изображает, не приукрашивая, все трудности быта ссыльных, но её взор писателя и человека устремлён на то, какими должны быть люди, чтобы быть достойными имени человека» (7 : 154).

Доминантой образа симпатичных автору персонажей является способность преодолеть любые жизненные обстоятельства, сохранить чувство собственного достоинства и отзывчивость. Так, Дора Исааковна Тимофеева, о которой говорили, что «она во время ленинградской блокады ... потеряла всю свою семью»,

обладала высокой степенью «стремления помочь каждому» – «Всегда внимательная, в работе усердная, ровная в обращении, она исполняла просьбы пациентов с такой весёлой добротой и терпением, точно дала себе слово: не обидеть, не отказать» (8 : 82). Жившая в селе «высокая, полная, некрасивая старуха» охотно и много рассказывала «об обеспеченных детстве и юности», о присутствии «среди её сородичей громких имён», и в этих её рассказах ощущалось «что-то не совсем достоверное». Но отталкивающий внешний облик и сомнительность биографии искупались тем, что эта немолодая женщина взяла «под свои материнские крылья» двух девушек, «вместе с ними купила большую, обстоятельную избу, вела хозяйство, вкусно кормила своих названных работавших дочек» (8 : 83).

За ценностными приоритетами автора, выраженными в тексте, стоит твёрдая личностная позиция Цветаевой, заявившей на следствии 1949 года: «Я и по сегодняшний день религиозный человек, стоящий на позициях православия, церкви и идеализма» (4 : 199). Рассказчица противится унынию, не испытывает стыда, неловкости оттого, что приходится откапывать стружку в замёрзшем древесном мусоре, неумело работать на огороде, жёстко экономить деньги. Однако её самоуважение уязвлено в моменты, когда она, будучи не в состоянии сдерживать гнев, обидев человека, проявляет духовную слабость.

Она испытывает раскаяние в том, что не наградила Якова Ивановича за труд в соответствии с его ожиданиями и холодно поблагодарила его. Раскаивается за то, что не пустила в свой дом девочек Надю и Лиду, пришедших в гости, несмотря на вьюгу. И бытовое неудобство оказывается не последним фактором этого отказа: ей показалось бессмысленным и нежеланным «одеваться и раздеваться, стужиться, тратить даром так дорогое время» (8 : 140). Однако после их ухода рассказчицу тяготят тоска и чувство вины.

В «Моей Сибири» выведено немало детских характеров. Писательница размышляет о характере воспитания и взаимодействия взрослого и ребенка, о влиянии бытовой среды на формирование личности. В галерее детских образов выделяется девочка Галя двух с половиной лет, «крепкая, ясноглазая, низколобая», с поджатым ртом и «густой щетинкой» волос, по-хозяйски интересующаяся, когда будет возвращена корзина, взятая рассказчицей. На автора тягостное впечатление производит «повелительность ... в тоне», которой сопутствует «зоркий взгляд» (8 : 94–95). Раздумывая над причинами неприятного переживания, писательница приходит к выводу, что она оказалась «в плену» у маленькой практичной хозяйки: «Это было ужасное дитя – настолько взрослее меня, что я не могла не послушаться» (8 : 95). Жуткое впечатление производит и одиннадцатилетний мальчик, напевающий и приколачивающий гвоздь, на котором крепилась бечёвка, где висел «вниз головой голый остов» Кроли и «кровь капала в таз на его внутренности» (8 : 198). Эти эпизоды символичны. Маленький человек не осознаёт дисбаланса между материальной и идеальной сферой устремлений. Его поведение, словно зеркало, отражает сущность мира, в котором он живёт, и ответственность за душевную чёрствость ребёнка целиком ложиться на взрослых.

В противоположность Гале и мальчику, поющему над растерзанным животным, в повести выведен Витя, исполнивший первый в жизни концерт на мандолине в день своего шестилетия – «устают маленькие пальцы прижимать твёрдые струны, и хоть терпит, не жалуется, учится силе воли – настоящий бабушкин

внук! – но решено концерт его мандолинный сделать в двух отделениях!» (8 : 196). Цветаева любит Витей и его бабушкой Полиной Михайловной, воссоздаёт эти характеры чёткими штрихами, в эпической манере. «Как Витя спит! Его бабушка, молодая, синеглазая, большеглазая, над ним наклонилась; думаете, любитесь? Нашли у неё время – терять! Радуетесь здоровью его – закалке, тому, что она даёт ему. На всю жизнь. Вы понимаете, что это – на всю жизнь быть закалённым? Весёлый рот расплывается в улыбке... Сияет! Витя спит во всю мочь пятилетней своей жизни, укутанный на морозе!» (8 : 190)

Интересно, что и эмоциональное состояние автора-повествователя в «Моей Сибири» подобно переживаниям ребёнка, активно и радостно осваивающего окружающий мир. «Басов... сделал мне палисадник перед окном, южным, и я там посадила цветы. Сколько было войны с курами! Сколько счастья, когда расцвели цветы... И ещё: у меня настоящая лестница! Приставная! Своя» (8 : 148). Автор во многом поэтизирует, одухотворяет быт: узоры на штукатурке дома «как волшебные заросли в “Спящей красавице”» (8 : 130), пол, выкрашенный коричневой масляной краской, – «Шоколад!» (8 : 130). Строительство дома показано как появление на свет живого существа – «никогда не забыть рождения печи» (8 : 119), «ровной растёт избушка, белая стала» (8 : 130).

Цветаева была убеждена в том, что на протяжении всей жизни «человек ощущает себя как в детские годы» (5 : 67). В ценностном ряду мемуаристики детскость, как особое нравственное качество, как умение радоваться окружающему, замечать удивительное рядом, занимает одно из главных мест. Эта открытость к взаимодействию с миром, природный оптимизм, наряду с чувством собственного достоинства и крепким духовным стержнем, позволили Цветаевой с честью вынести жизненные испытания и развить свой писательский талант.

Понимание писательницей онтологического смысла пережитого в ссылке выразилось в надписи на книге «Моя Сибирь», подаренной Л. Донскому, сыну Д. А. Донской, входившей в круг близких писательнице людей: «Только тогда человек на месте, когда он лбом встречает события и решает своей волей и духом не падать, а светло и мужественно терпеть своё отношение к перелому жизни и знать, что придёт миг радости и осуществления своей личной свободы» (3 : 185). Сам факт создания Цветаевой мемуарной повести в мажорной тональности после пережитых событий, воспринимавшихся в реальной жизни не столь оптимистично (судя по переписке с В. И. Цветаевой), является способом преодоления действительности и возвышения над ней. Бытовая среда ощутимо проявляет себя в «Моей Сибири», однако автор-повествователь умеет подчинить внешнее своим внутренним установкам, поэтому быт предстаёт живой, одухотворённой средой обитания человека.

Библиографический список

1. РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 1. Ед. хр. 30.
2. РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 401.
3. Васильев Г. К., Никитина Г. Я. «Проза, насыщенная электричеством памяти...» // Грани. 1999. № 189. С. 176–192.
4. Должанская Л. Анастасия Цветаева и розенкрейцеры // Грани. 2006. № 217. С. 186–205.
5. Донская Д. А. Анастасия Цветаева. Штрихи к портрету: Дневниковые записи. Орехово-Зуево, 2002.

6. *Ионас В.* Анастасия Цветаева. Встречи. Переписка // Грани. 1999. № 198. С. 106–136. Ионас отмечает, что слово «эвакуационный» стало лексическим «камуфляжем», скрывающим истинную причину пребывания Цветаевой в Сибири.

7. *Кроли А.* Когда теплеют сибирские зимы // Кроли А. Так человеку нужен праздник. Книга стихов и прозы. М., 1992. С. 154–157.

8. *Цветаева А. И.* Моя Сибирь. М., 1989.

Е. С. Тихомирова

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

«КРАСНОЕ КОЛЕСО», КАТЯЩЕЕСЯ ПО СТРАНИЦАМ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Красный – великолепен в своей разносторонности сочетаний. Вот он выделяет что-то из массы своей яркостью, вызовом цвета, да еще и меняется хамелеоном различных оттенков: рудой, алым, чермный, червлёный, кирпичный, малиновый, огневой.

Именно он, красный, является определяющим фактором в характеристике предмета, в видении его индивидуальности: если перед нами красный карандаш, то мы знаем – внутри железистая глина красного цвета; а красная медь оградила себя от примесей цинка; красная дерябка вроде бы и просто травка, но пугает своей игольчатостью.

Вот он красуется своей высотой, большим размером в этом виде: высокая красная дичь вобрала в себя все виды бекасов, «от борового кулика (слуки) до заморозка (гаршнепа), также крупная столовая дичь: косуля, лебедь, глухарь, драхва» (5).

Вот он выделяет кого-то своей красотой и добротой: красивый, прекрасный, превосходный... а то и чистотой да белизной, как, например, красную избу, с трубой, с изразчатую печью.

А зайди в красную пору (раздолье, избыток, довольство) в дом через красное крыльцо (парадное, приемное, «строящееся с навесом и с выходом на улицу»), и тут же тебя встретит красный угол (передний, старший, где иконы и стол) да хозяйка с красным словцом (острая шутка).

Плеяда поэтов Серебряного века в своих поэтических творениях в красном и многообразии его оттенков видят:

и красоту окружающего мира: «В розах золото лучей / красным жаром разливаётся» (2) (А. Белый), «краснеет лукаво гречиха...» (В. Брюсов), «Беспредельна даль поляны. / Реет, веет стог румяный...» (С. Городецкий), «И игриво взмахнет кобылица / Над равниною красным хвостом», «Мир осинам, что, раскинув ветви, / Загляделись в розовую воду» (С. Есенин), «Дремлет залив. И боярышник пестрый / В красном монисте звенит» (В. Нарбут), «Звени, знойный, краснощекий, // ясный-ясный день! // Звени, знойный, кумачовый, // яркий-яркий день!», «На розовое, солнечное утро. // Радуйся! Оно для тебя!» (В. Каменский);